

Соловьев Кирилл Андреевич

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
зарубежного регионоведения и внешней политики
Историко-архивного института
Российского государственного
гуманитарного университета

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.И. КЕЛЬСИЕВА И ПОПЫТКИ ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация:

В статье анализируются взгляды В.И. Кельсиева на внешнюю политику Российской империи, на основные трудности, с которыми сталкивалась российская дипломатия на пути реализации своих задач, а также на средства, с помощью которых можно было бы преодолеть эти трудности. Делается вывод, что, хотя Кельсиеву и не удалось оказать прямого воздействия на внешнеполитический курс России, его концепция представляет собой значимое явление в славянофильской мысли.

Ключевые слова:

В.И. Кельсиев, внешняя политика Российской империи, панславизм, славянофильство, Балканы, Турция, Австрия, Галиция.

Solovyov Kirill Andreyevich

PhD in History, Senior Lecturer,
Foreign Regional Studies
and Foreign Policy Department,
Institute of History and Archives,
Russian States University for the Humanities

THE FOREIGN POLICY CONCEPTION OF V.I. KELSIEV AND ATTEMPTS OF ITS IMPLEMENTATION

Summary:

The author analyzes V.I. Kelsiev's views on the foreign policy of the Russian Empire, the main difficulties the Russian diplomats faced, and the ways of resolution of these difficulties. It is concluded, that although Kelsiev failed to influence the foreign policy of Russia directly, his conception is a remarkable phenomenon in the history of Slavophil thought.

Keywords:

V.I. Kelsiev, foreign policy of Russian Empire, pan-Slavism, Slavophil thought, the Balkans, Turkey, Austria, Galicia.

Внешняя политика Российской империи во второй половине XIX в. всегда привлекала определенный интерес со стороны исследователей. Анализу подвергалась деятельность российских дипломатов на самых разных направлениях, будь то взаимоотношения с ведущими европейскими державами [1], политика на Балканах [2], на Ближнем, а также на Среднем и Дальнем Востоке [3]. Вместе с тем, большинство работ была свойственна известная односторонность: на переднем плане, как правило, оказывалась событийная, фактографическая сторона, а вот внутренним мотивам и истокам внешней политики России, так же как и международной деятельности общественных организаций и отдельных личностей уделялось сравнительно мало внимания [4]. Между тем, XX столетие было отмечено постепенным отходом исследователей от традиционной «дипломатической истории» и смещением акцента в сторону «глубинных сил», определяющих поведение государства на международной арене. К числу этих «глубинных сил» относится и «коллективная психология», общественное мнение, складывающееся вокруг того или иного международно-политического события или процесса [5, с. 227–232], *геополитическая мысль*, становящаяся наряду с экономической, правовой и политической мыслью полноправной областью исследования.

В российской геополитической мысли рассматриваемого периода особо выделялись такие течения, как позднее славянофильство и панславизм, игравшие значительную роль в общественной жизни страны и влиявшие на ее внешнеполитический курс. Нельзя сказать, чтобы они были совершенно обделены вниманием исследователей. К настоящему времени вышел целый ряд статей, диссертационных и даже монографических исследований, посвященных отдельным теоретикам позднего славянофильства и панславизма. Впрочем, это лишь первые шаги на пути всесторонней разработки темы, и решительному продвижению вперед здесь может поспособствовать поиск новых имен, новых идей, новых концепций.

Имя Василия Ивановича Кельсиева (1835–1872), некогда произносившееся лишь в сочетании с эпитетами «известный», «пресловутый» и даже «знаменитый», мало что говорит современному читателю. Только узкие специалисты по истории общественного движения и истории раскола знают его как оппозиционного деятеля, пытавшегося наладить взаимодействие с раскольниками на почве подготовки революции, а также как автора нескольких этнографических очерков о религиозном инакомыслии. Между тем, горизонты Кельсиева были гораздо более широкими; можно сказать, что он был оригинальным политическим мыслителем, затрагивавшим в своих работах различные вопросы, которые стояли тогда перед страной. Причем если в годы революционной молодости он создал теорию сектантской революции, вдохновившую многих участников радикального движения, то в зрелом возрасте, разочаровавшись в ее перспективах и перейдя на славянофильские и консервативные позиции, он выступил с целой про-

граммой внутри- и внешнеполитических мер, которые, согласно его мнению, должно было осуществить правительство. Может быть, она и уступает по своей значимости концепциям, созданным И.С. Аксаковым, К.Н. Леонтьевым и Н.Я. Данилевским, но, бесспорно, заслуживает внимания (примечательно, что сам Леонтьев называл Кельсиева «одним из полезнейших национальных писателей наших» [6, с. 16]). Особенно это касается ее внешнеполитической части: долгие годы жизни за границей, сначала в Англии, затем в Турции и, наконец, в Австрии позволили приобрести ему большие познания в международных делах и выработать стройную систему взглядов на то, какой должна быть политика России по отношению к другим странам.

Исходной посылкой в построениях Кельсиева является весьма популярная в те годы и наиболее четко выраженная в трудах Данилевского идея «всеславянского государства» под эгидой России. «Вся цель и идеал славянства состоит в том, чтобы слиться, во что бы то ни стало, воедино, – писал он, – слиться в один народ, возыметь один язык, одну азбуку, одну церковь, так чтоб чех считал бы себя в Москве так же дома, как великорус будет считать себя дома в Праге» [7]. В этих условиях на Россию возлагается особая задача – быть двигателем и координатором объединительных процессов, защитницей всех славянских народов, угнетаемых австрийцами и турками: «полагаясь на наши тяжелые мышцы, братья-славяне могут к нам прикнуть и следовать за нами, зная то, что плечо наше не дрогнет <...> от чужого удара» [8].

Декларируя готовность России стать предводительницей славянства, Кельсиев прекрасно понимал, насколько нелегка эта задача, и с какой ответственностью следует подходить к ее выполнению. Основные трудности связаны с тем, что у России есть могущественные соперники, прежде всего Франция, стремящаяся к европейскому господству. Кельсиев полагал, что из-за активности французских агентов в Турции и на Балканах Россия стремительно теряет авторитет, которым она традиционно пользовалась среди южных славян и вообще православного населения региона. Контакты с французскими дипломатическими представительствами являются для местных жителей единственным источником информации о политических событиях, а подают французы эти сведения «в искаженном виде», то есть, возвышая Францию и принижая Россию: «Франция представляется единственной охранительницей угнетенных народностей; она бы сильнее стояла за них, если бы ей не мешала Россия. <...> Наполеон Европою управляет, он *запрещает* России завоевать Турцию, он *предписал* России освободить крестьян» [9, с. 356]. Жертвами антироссийской пропаганды оказываются, прежде всего, представители образованных классов, простонародье же, находящееся под властью Турции (да и Австрии), все еще сохраняет веру в «Русского Царя» (словаки объясняли неудачный для Австрии исход войны с Пруссией в 1866 г. тем, «что Русский Царь прогневался на Цесаря и не помог ему», а сербы и хорваты «чуть не на шею» бросались Кельсиеву за то, что он русский) [10; 11, с. 23]. Однако, как бы хорошо ни относились к России простодушные мужики, все-таки не им принадлежит решающий голос, «и вот, умри какой-нибудь поляк или болгарин-католик, действовавший во вред нам – русский консул его отравил; сделайся пожар... – русское посольство подошло; крикни пьяный грек на улице против турок... – русские подбили» [12].

Россия же в настоящее время бессильна переломить эту непростую ситуацию, грозящую ей полной потерей влияния на Юго-востоке Европы и установлением там французской гегемонии. Главной причиной неспособности нашего внешнеполитического ведомства отстаивать национальные интересы являются порядки, унаследованные от министерства К.В. Нессельроде, а также вообще ставка лишь на «хорошие отношения между правительствами», которая кажется Кельсиеву безнадежно устарелой. «Теперь, – пишет он, – мнение об нас каких-нибудь молдавских лавочников, болгарских огородников и сербских каменщиков и свинопасов вовсе не так мало значит, как в прежние времена» [13]. Между тем, двери русских посольств и консульств по-прежнему остаются для них закрытыми, и они, не видя альтернативы, идут в представительства наших соперников. Следствием заискивания перед великими державами и пренебрежения интересами народных масс является подрыв доверия, с которым всегда относились к России православные жители Балкан. «Мы не скроем, что они больше верят в Наполеона, чем в Россию», – писал Кельсиев [14].

Выходом здесь может быть лишь переустройство русского дипломатического ведомства на принципиально новых началах. Во-первых, наши внешнеполитические представители должны «не стеснять себя старыми инструкциями, а делать все, что покажется им выгодным для привлечения к нам православных и прочих славянских народностей», «сближаться» с которыми должно быть поставлено им в обязанность; повышения же по службе «хоть по принципу» следует производить «за действительную пропаганду любви к нам, а не за умеренность и аккуратность». Важнейшим средством всего этого должна стать вооруженность дипломатов соответствующими сведениями: служащим МИД «вменяется в обязанность изучение *пяти* главных славянских наречий», а получать должности при посольствах и миссиях должны лишь те, кто «три года прожил между славянами, ознакомился с их бытом, литературой, представителями»; предусматривает проект Кельсиева и регулярные поездки членов посольств «для сближения с влиятельными лицами в славянстве». Кроме того, наши посольства и консульства должны «защищать русских, находящихся за границей, и содействовать им в изучении чужих краев». Кельсиев даже предлагает перевести подобную деятельность на профессиональную основу и создать «из способных

лиц средних и низших сословий, которым обычай и условия дипломатической деятельности преграждают путь к службе <...> «Общество русских путешественников». Их обязанностями должны стать сбор сведений о настроениях в соседних странах, налаживание негласных связей, иными словами, то, что не всегда может открыто сделать официальный представитель [15]. В другом месте «Исповеди» – документе, написанном им в знак раскаяния и адресованном императору, Кельсиев резюмирует: «Надо <...>, чтоб у правительства было побольше друзей, а во-вторых, поменьше врагов. <...> Все в его руках, была бы только охота да ловкие агенты» [16].

Принципиальное значение имеет и общественный интерес к тому, что происходит в славянских землях. «Общество наше до сих пор еще не высказывалось <...> о славянах, – писал Кельсиев, – и мне часто случалось <...> слышать обвинения нас в равнодушии к этим столь близким нам вопросам. <...> Если нам выгодно пожертвовать славянским возрождением, если нам выгодно, в видах Австрии, вредить румынам, если нам самим так страшен принцип национальностей <...>, то дипломатии нашей нечего делать. Общество наше не заявляет своего мнения; <...> ему все равно, что на Западе идет деятельная работа, чтоб оттолкнуть от нас славян и запугать их нами – о чем же тут хлопотать нашей дипломатии?» [17].

Если же дипломаты будут руководствоваться старыми принципами, а общество не откажется от безразличного отношения к международным делам, Россию ждет весьма незавидная перспектива. В свою бытность в Константинополе Кельсиев стал свидетелем того, как французы вместе с их верными союзниками поляками при негласном одобрении турецких властей и греческих иерархов пытались навязать болгарам унию. Болгарская православная церковь тогда еще не имела автокефалии и подчинялась Константинопольскому патриархату, что не устраивало болгарскую общественность, стремившуюся к вероисповедной независимости. Начавшиеся гонения против славянских обрядов заставили болгар выступить за отделение болгарской церкви от Константинопольского патриархата, который, в свою очередь, обвинил русский Синод в содействии схизматикам. Наше церковное начальство, однако, отвергло эти инсинуации и стало оказывать грекам всемерную поддержку, хотя мнение многих представителей общественности было на стороне болгар [18]. В итоге славянский народ нашел понимание у французов и поляков, задавшихся целью подчинить его Папе, что, правда, им не удалось; затем устремили свои взоры в Болгарию и американские миссионеры-протестанты. Кельсиев рассматривал эту ситуацию как прямое следствие пороков нашей внешнеполитической позиции: «Мы-то именно одни и имеем право поставить им патриарха, хотя, по застенчивости нашей, и отказываемся от этого права»; результат – «славянство <...> находит сочувствие только в иноплеменниках и, вместо того, чтобы сблизиться с нами, вынуждено от нас отделяться» [19]. В силу геополитических причин угрожать России может и Австрия, «дряхлая» и «умирающая», но все же лежащая к русским границам гораздо ближе, чем Франция. Она вполне может содействовать болгарам и сербам в создании независимых государств и, опираясь на их поддержку, продолжит «свое знаменитое <...> *Drang nach Osten*», поглотит Молдавию и Валахию, «станет морской державою, и в нескольких часах от Одессы явятся австрийская таможня и австрийская гавань» [20].

Эта застенчивость и бездумное отношение к своей роли на мировой арене в будущем могут стоить России еще больших потерь. Дело в том, что проживавшие в Стамбуле поляки начали завязывать сношения с кокандцами, хивинцами и бухарцами, территории которых тогда активно присоединялись к империи. Более того, некоторые деятели польской эмиграции решили установить связи с китайским и японским правительствами. «И это будет посерьезнее их цареградских дел, – писал Кельсиев. – Гордоны и Лефорты из поляков при китайских и японских Петрах Великих, движимые ненавистью к нам, не пропустят случая насолить нам в Монголии, Маньчжурии и в самой Сибири. Китай и Япония вовсе не дряхлая Турция. У них есть народность, образованный класс и желание учиться. Ближе нас никто не заинтересован судьбой этих двух действительно великих держав, а мы равнодушно смотрим на распространение там католичества и протестантства, запрещаем проповедь православия. Немцы и американцы уже образуют там войска европейски, а русских офицеров там нет. <...> А ведь нам ничто не ручается, что Сибирь вечно останется в покое. Сибирь же в руках иноплеменников, будь они даже нашими подданными, убьет Россию» [21]. Вообще, говоря о российской экспансии на Востоке, Кельсиев призывает устраивать в Ташкенте русские школы «вместо татарских», называть местности в Средней Азии, на Кавказе, в Сибири, на Амуре по-русски, а не «на всевозможных диких языках» [22, с. 179].

Особое место в системе внешнеполитических взглядов Кельсиева занимала проблема русинского меньшинства, проживавшего в Галичине (Восточной Галиции, австрийской провинции). Очевидно, в занятиях проблемами этого осколка Киевской Руси, находившегося под властью Польши, а затем Австрии, и состоит специфика Кельсиева как славянского деятеля. По словам Н.М. Пашаевой, «судьбы русских галичан <...> гораздо меньше в ту пору интересовали и русскую дипломатию, и славянофилов, чем судьбы сербов или болгар» [23, с. 57], поэтому он во многом выходил за рамки «типичного» славянского деятеля 1860–1870-х гг., которого в первую очередь волновала трагедия народов, угнетаемых турками-османами. Следует отметить, что к идее «все-славянского государства» он пришел именно благодаря состоявшемуся в Вене знакомству с га-

лицо-русскими деятелями, уверявшими его в своей беззаветной преданности России как единственной «реальной силе славянства» [24]. От них он узнал о непрестом положении униатской церкви, прихожанами которой в своем большинстве являлись русины (коренные жители Галиции). Униаты формально подчинялись Риму, но, по сути, должны были оставаться православными, сохраняя неизменным восточный обряд, порядок богослужения и внешний вид священнослужителей. На практике, однако, они вынуждены были уступать все более усиливавшемуся давлению со стороны католических иерархов, и униатские обряды все более уподоблялись западным, грань между «греко-католической» и «римско-католической» церквями постепенно стиралась. Единственный выход здесь заключался в воссоединении с Россией. «Под боком живет и процветает единокровный русский народ, который не стыдится ни своего имени, ни своего происхождения, ни своей азбуки. <...> У этого народа свое огромное войско. <...> Этот народ владеет миром от Черного моря до Тихого океана, он в чести и в силе <...> лучше ж лить за него кровь и нести одну с ним тягу», – так передавал Кельсиев чаяния русинов [25].

«Беспокойная» и «предприимчивая натура» не позволила ему «изучить дело понаслышке», довольствуясь одними разговорами, и осенью 1866 г. он предпринял рискованную поездку по Галичине и Карпатам, чтобы на месте изучить современное положение региона (надо сказать, что в результате экспедиции он был арестован и вообще чуть не погиб). В результате своих полевых этнополитических изысканий Кельсиев пришел к выводу, что положение русинского населения в Галиции не просто тяжело, но близко к катастрофе. Это касалось практически всех аспектов его быта – от социально-экономических до духовных. Русинское население состояло в основном из двух сословий – духовенства и крестьян, страдающих от невыносимой нищеты (дворянство уже давно приняло католицизм и потеряло всякую связь с национальными корнями). Все это, в совокупности с равнодушием австрийской администрации и недоверием со стороны российского правительства, позволяло преобладающим в регионе полякам делать все возможное, чтобы лишить русинов этнического лица. Однако, русины всеми силами противостояли давлению польских панов и мужественно отстаивали свои национальные права. Они ответили категорическим отказом на предложение поляков ввести латинское правописание, старательно очищали свой книжный язык («язычие» – смесь местных говоров с церковнославянским и русским литературным языками) от полонизмов, боролись против навязываемых им католических обрядов в церкви, наконец, на свои собственные (весьма немногочисленные) средства организовали Матицу (культурно-просветительный центр), русский театр и Народный дом.

Весьма симптоматичным в этой связи представляется Кельсиеву факт провала в Галичине «украинофильского» движения, выступавшего за максимально широкую (вплоть до полного отделения) автономию Украины. В своем большинстве галичане отказались признать себя «украинцами» и использовать «українську мову» как литературный язык. Они видели себя не иначе как «малорусов» или «южнорусов», особую часть русского этноса, распростершегося «от Карпат и до Камчатки», и тяготели к России, считая ее своей единственной защитницей и благодетельницей, мечтали о воссоединении с ней. Середину 1860-х гг., время пребывания Кельсиева в Галиции можно рассматривать как время триумфа «москвофильства» и почти полного краха украинской идеи.

Все это заставило Кельсиева признать необходимость кардинальных перемен в позиции русских властей и русской общественности относительно галицких русинов. В многочисленных статьях, посвященных проблемам этого края и составивших впоследствии сборник «Галичина и Молдавия», он беспрепятственно апеллировал к национальным чувствам образованных россиян, даже и не подозревающих, «как бойко идет здесь русская жизнь, какие у нее радости и надежды, и какие у нее горе и беды» [26], сетовал, что его соотечественники предпочитают Галичине Париж и Ниццу, недоумевал, почему во Львове до сих пор нет русского консула, а компетентность консула в Черновцах более чем сомнительна. Не мог он принять и недоверие, с которым Святейший Синод и вообще правительство относились к униатам. Эти люди были *вынуждены* подчиниться Папе, все их заветные мечты состоят в том, чтобы *присоединиться к России и вновь стать православными*, а Россия отказывается помочь им в строительстве церквей, наказывает православных священников за связи с ними, вообще всеми силами старается оградить общество от любой информации об униии. «С униатами, невинными орудиями Рима, только одна политика возможна – политика всезабвения и всепрощения. Поможем им в чем возможно; христианская любовь сильнее всяких лжеучений», – писал Кельсиев [27].

Нельзя сказать, чтобы российская администрация не удостоила вниманием суждения, высказанные Кельсиевым. Вскоре по прочтении «Исповеди» царь указал своим министрам на затронутые в ней проблемы. Каждому было предписано составить «подробные соображения» по той из них, которая входила в его компетенцию, в том числе министру иностранных дел – принять меры к усилению нашего влияния за границей, а шефу корпуса жандармов – создать сеть тайных заграничных агентов [28]. Сам Кельсиев также предпринимал активные шаги к воплощению своих идей в жизнь. Едва получив помилование и освободившись из-под ареста, он добился аудиенции у кн. А.М. Горчакова и «очень настаивал <...> на учреждении русского консульства во Львове». В ответ на возражение князя, что такой проект потребует значительных

затрат, Кельсиев решительно заявил, что «*даст денег (курсив мой – К.С.)*» [29], хотя у самого тогда не было даже средств обеспечить себя жильем. Вообще, в первые недели жизни на свободе он рассчитывал «получить какое-либо поручение, секретное, от правительства в придуманные страны или, что еще более хотелось бы ему, в Галицию, устраивать там связи, отношения, противодействовать полякам» [30]. Затем он предложил свою помощь в одном весьма щекотливом вопросе в отношениях с Сербией. От России требовали выдачи двух человек, подзреваемых в подготовке убийства сербского князя Михаила III Обреновича. Желая предотвратить большую дипломатический скандал, угрожавший авторитету России, Кельсиев в письме одному высокопоставленному чиновнику просил его дать «несколько дней времени», за которые он мог бы получить всю информацию по интересующему вопросу. С тоном влиятельного специалиста он заявил: «Я Вам все разузнаю. Не приступайте ни к чему решительно, покуда я имею средства узнавать» [31]. Пытался Кельсиев провести свои взгляды в жизнь и на общественном поприще, устраивая благотворительные вечера в пользу славян [32].

Однако интерес к Кельсиеву довольно быстро выветрился, а доверия он снискать так и не смог. Большая часть его замыслов так и осталась на бумаге, хотя первоначально к ним относились как будто бы «благоклонно». Эта ситуация объяснялась целым рядом причин. Во-первых, правительство боялось испортить и без того плохие отношения с Австро-Венгрией и не рискнуло отправить туда Кельсиева своим агентом, тем более что его уже высылали оттуда в этом качестве (что же касается консульства во Львове, то оно появилось там лишь в конце столетия). Кроме того, возлагать важные административные обязанности на человека, который представлял в прошлом значительную угрозу для самодержавия, открыто призывая народ к бунту, хотя впоследствии и раскаялся в прежних своих грехах, с точки зрения правительства вообще было слишком рискованно. Это доставляло Кельсиеву серьезный дискомфорт, он все больше приходил к неутешительному для себя выводу, что прилагаемые им усилия оказываются напрасными, и что государство, которому он так страстно желал принести пользу, в сущности, не испытывает в нем необходимости. Между тем, в его рассуждениях действительно содержится немало ценных мыслей, следуя которым, российская дипломатия смогла бы избежать многих трудностей и проблем, выпадавших на ее долю.

Ссылки:

1. См.: Сказкин С.Д. Конец австро-руско-германского союза. М., 1928; Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975.
2. См.: Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950; Виноградов В.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978; Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005; Его же. Двуглавый российский орел на Балканах, 1683–1914. М., 2010.
3. Горяинов В.А. Босфор и Дарданеллы. М., 1907; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978; Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965; Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.
4. К немногочисленным исключениям можно отнести такие исследования, как, например: Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960; Оболенская С.В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977; Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.
5. Машкин М.Н. Пьер Ренувен (1893–1974) // Французский ежегодник. 1976. М., 1978.
6. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996.
7. Кельсиев В.И. Путешествие по Галичине // Голос. Львов, 1866. № 276. 6 (18) окт.; № 278. 8 (20) окт.
8. Там же.
9. Кельсиев В.И. Исповедь // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42.
10. Кельсиев В.И. Путешествие по Галичине. Хлопы // Голос. 1866. № 333. 2 (14) дек.
11. Кельсиев В.И. Пережитое и передуманное. СПб., 1868.
12. Кельсиев В.И. Исповедь ... С. 357.
13. Там же.
14. Кельсиев В.И. Письма из Австрии // Голос. 1866. № 190. 12 (24) июля; № 218. 9 (21) авг.
15. Кельсиев В.И. Исповедь ... С. 375–376.
16. Там же. С. 406.
17. Кельсиев В.И. Письма из Австрии ... № 218.
18. Венедиктов В.Ю. Россия и Константинопольский патриархат: этноконфессиональный диалог второй половины XIX в. // Вопросы культурологии. 2008. № 1. С. 20–23.
19. Кельсиев В.И. Исповедь ... С. 363.
20. Кельсиев В.И. Письма из Австрии ... № 218.
21. Кельсиев В.И. Исповедь ... С. 365–366.
22. Кельсиев В.И. Обличитель прошлого века // Всемирный труд. 1868. № 10. С. 176–211.
23. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., доп. М., 2007.
24. Кельсиев В.И. Исповедь ... С. 402.
25. Кельсиев В.И. Письма из Австрии ... № 190.
26. Кельсиев В.И. Путешествие по Галичине ... № 278.
27. Там же.
28. ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 411. Л. 215–216 об.
29. ОР РГБ. Ф. 120. Ед. хр. 7.31. Л. 89 об.
30. Там же. Л. 89.
31. ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 402. Л. 1 об. – 2.
32. ОР РГБ. Ф. 93/II. Ед. хр. 5.66. Л. 1.

References:

1. See: Skazkin, SD 1928, *End of the Austro-Russian-German alliance*, Moscow; Manfred, AZ 1975, *Education Russian-French alliance*, Moscow.
2. See: Fortunatov, PK 1950, *War of 1877-1878. and the liberation of Bulgaria*, Moscow; Vinogradov, VI 1978, *Russian-Turkish war of 1877-1878 and the liberation of Bulgaria*, Moscow; Vinogradov, VN 2005, *Balkan epic Prince AM Gorchakov*, Moscow; Vinogradov, VN 2010, *Double-headed Russian eagle in the Balkans, 1683-1914*, Moscow.
3. Gorjainov, VA 1907, *Bosporus and Dardanelles*, Moscow; *Eastern Question in Russian foreign policy. End of the XVIII - beginning of XX century* 1978, Moscow; Khalfin, NA 1965, *Joining Central Asia to Russia (60-90th. XIX c.)*, Moscow; Moiseev, VA 2003, *Russia and China in Central Asia (the second half of XIX century. - 1917)*, Barnaul.
4. The few exceptions including studies such as, for example: Nikitin, SA 1960, *Slavic committees in Russia in 1858-1876 years*, Moscow; Obolensky, SV 1977, *Franco-Prussian War and public opinion in Germany and Russia*, Moscow; Dyakov, VA 1993, *Slavic question in the social life of pre-revolutionary Russia*, Moscow.
5. Mashkin, MN 1978, 'Renouvier Pierre (1893-1974)', *French yearbook*, 1976.
6. Leont'ev, KN 1996, *East, Russia and Slavs*, Moscow.
7. Kelsiev, VI 1866, 'Travel Galicia', *Voice*, Lviv, no. 276, 6 (18) Oct.; no. 278, 8 (20) Oct.
8. Kelsiev, VI 1866, 'Travel Galicia', *Voice*, Lviv, no. 276, 6 (18) Oct.; no. 278, 8 (20) Oct.
9. Kelsiev, VI 1941, 'Confessions', *literary heritage*, Moscow, vol. 41-42.
10. Kelsiev, VI 1866, 'Travel Galicia. Flakes', *Voice*, no. 333. 2 (14) in December.
11. Kelsiev, VI 1868, *Experiences and reconsider*, St. Petersburg.
12. Kelsiev, VI 1941, 'Confessions', *literary heritage*, Moscow, vol. 41-42, p. 357.
13. Kelsiev, VI 1941, 'Confessions', *literary heritage*, Moscow, vol. 41-42, p. 357.
14. Kelsiev, VI 1866, 'Letters from Austria', *Voice*, no. 190, 12 (24); no. 218. 9 (21) in August.
15. Kelsiev, VI 1941, 'Confessions', *literary heritage*, Moscow, vol. 41-42, pp. 375-376.
16. Kelsiev, VI 1941, 'Confessions', *literary heritage*, Moscow, vol. 41-42, p. 406.
17. Kelsiev, VI 1866, 'Letters from Austria', *Voice*, no. 190, 12 (24); no. 218. 9 (21) in August.
18. Venedictov, VY 2008, 'Russia and the Patriarchate of Constantinople: ethno-religious dialogue in the second half of the XIX', *Questions of cultural studies*, no. 1, pp. 20-23.
19. Kelsiev, VI 1941, 'Confessions', *literary heritage*, Moscow, vol. 41-42, p. 363.
20. Kelsiev, VI 1866, 'Letters from Austria', *Voice*, no. 190, 12 (24); no. 218. 9 (21) in August.
21. Kelsiev, VI 1941, 'Confessions', *literary heritage*, Moscow, vol. 41-42, pp. 365-366.
22. Kelsiev, VI 1868, 'Exposer of the last century', *World labor*, no. 10, pp. 176-211.
23. Pashaeva, NM 2007, *Essays on the History of the Russian movement in Galicia XIX-XX centuries*, 2nd ed., Ext. Moscow.
24. Kelsiev, VI 1941, 'Confessions', *literary heritage*, Moscow, vol. 41-42, p. 402.
25. Kelsiev, VI 1866, 'Letters from Austria', *Voice*, no. 190, 12 (24); no. 218. 9 (21) in August.
26. Kelsiev, VI 1866, 'Travel Galicia', *Voice*, Lviv, no. 276, 6 (18) Oct.; no. 278, 8 (20) Oct.
27. Kelsiev, VI 1866, 'Travel Galicia', *Voice*, Lviv, no. 276, 6 (18) Oct.; no. 278, 8 (20) Oct.
28. SARF. f. 95, op. 1, d. 411, l. 215-216 vol.
29. RSL OR. f. 120, units. xp. 7.31, l. 89 vol.
30. RSL OR. f. 120, units. xp. 7.31, l. 89 vol.
31. SARF. f. 109, secret archive, op. 1, d. 402, l. 1 vol. - 2.
32. RSL OR. f. 93/ii. u xp. 5.66, l. 1.